

Л. Н. Андреевъ о современныхъ вопросахъ.

Сотруднику *Руси* пришлось не такъ давно бесѣдовать съ Леонидомъ Андреевымъ и онъ высказалъ свое мнѣніе какъ по поводу произведеній Арцибашева и Каменскаго, волнующихъ еще до сего времени общество, такъ и о вліяніи этихъ произведеній на нашу молодежь. Леонидъ Андреевъ считаетъ молодежь настолько идеалистичной, что не думаетъ, чтобы она восприняла въ этихъ произведеніяхъ только грязное, онъ думаетъ напротивъ, что она возьметъ только чистое, но современные условія русской жизни могутъ, конечно, сдѣлать многое, почему ручаться нельзя; дѣйствительность такъ исковеркала жизнь, такъ изломала все хорошее и такъ много создала и создаетъ сквернаго, что приходится только удивляться.

Прокатилась съ трескомъ и шумомъ революціонная волна и затихла, не сокрушивъ на своемъ пути ни одной капитальной стѣны, сдѣлала только надломы и трещины во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни. Явленіе „одинокихъ“—есть одна изъ трещинъ въ области нашихъ предрасудковъ и условностей, молодежь же пытается пробить брешь дальше въ этой области. Да, окружающая дѣйствительность ломаетъ, комкаетъ жизнь, мѣшаетъ печать хорошаго и нехорошаго на современникахъ. Вотъ у меня есть одинъ выдающійся фактъ, переданный со словъ одного участника и свидѣтеля этого кроваваго кошмара. Это было не такъ давно въ Москвѣ. Группа революціонеровъ-экспроприаторовъ впала въ дикое безуміе,—безуміе, похожее на „красный смѣхъ“—этимъ именемъ такъ они и окрестили свои вечера. Часть членовъ группы скоро попала въ руки представителей администраціи, а другая часть начала устраивать вечера, собиралась у одного изъ своихъ товарищей, завѣшивали красной матеріей стѣны, окна, надѣвали на лампу красныя холщакъ и начинали пить вино, водку, пиво, какъ долго, безъ конца...

Тутъ были и пѣшки. Пили всѣ до тѣхъ поръ, пока не устали и не сваливались, гдѣ сидѣли. Спали всѣ вповалку на полу и тутъ подъ утро было все: свадьбы, свободный развратъ и все, все... Проидалъ утренній мракъ, наступалъ день, свѣтъ пробуждалъ всѣхъ. Они просыпались, разбитые физически и нравственно; тѣ, кому было стыдно смотрѣть другъ на друга, скорѣе убѣгали изъ дома „краснаго смѣха“, другіе, понуря голову, выходили за чѣмъ то, да зная сами за чѣмъ, шли на улицы, бродили цѣлый день, а вечеромъ снова возвращались.

Опять вечеръ, опять повторялось безуміе ночи, снова все превращалось въ красное и снова пили, но съ большимъ остервенѣніемъ, ожесточеніемъ, съ гвечущей тоской, пили много, разговаривая о своихъ „покойныхъ“ дѣлахъ, и опять запивали горькимъ виномъ. Каждый день убавлялся этотъ кружокъ, все меньше и меньше возвращалось обратно, ихъ арестовывали измученными на улицахъ. Такъ было долго, пока ихъ всѣхъ не переловили. Такъ окончилось это безуміе „краснаго смѣха“.

Уродливая дѣйствительность отражается не только на взрослыхъ, но и на психикѣ дѣтей. У меня есть на глазахъ два примѣра, грустныхъ для родительскихъ сердець: мой сынъ частенько играетъ въ солдатики, а иногда въ городоваго, гордо исполняя его обязанность, а у Алексѣя Максимыча Горькаго такъ еще оригинальнѣе былъ случай: его сынъ со своими сверстниками отразилъ точнѣе дѣйствительность: вообразилъ себя жандармскимъ ротмистромъ, а своихъ товарищей взялъ въ качествѣ городовыхъ и понятыхъ и произвелъ обыскъ въ кабинетъ Алексѣя Максимовича, все перешвырялъ и перерылъ въ немъ.

За молодыми писателями Л. Н. предвидитъ будущее, а негодныя наслоенія, по его мнѣнію, отпадутъ. „Я убѣжденъ,—говорилъ Андреевъ,—что Анатолій Каменскій въ послѣдствіи откажется отъ своего рассказа „Четыре“; ну и гадость, я вамъ скажу, этотъ рассказъ; мы впервые его прочитали съ М. Горькимъ въ Италіи на о. Капри и прочитавши опустили свои головы, думая, неужели русская литература вступила на этотъ путь; будучи вдали отъ родины, не зная настоящаго положенія вещей въ литературѣ—намъ казалось, что русская литература гибнетъ, но когда снова я увидѣлъ Россію и всю нашу молодую литературу, то воспрянулъ духомъ и сказалъ себѣ: „нѣтъ русская литература не погибнетъ!“ Что касается героя „Санина“, то по моему мнѣнію онъ очень не уменъ, а самое произведеніе Арцыбашева плохо написано. Въ „Санинѣ“ я не вижу порнографическаго произведенія, какъ многіе называютъ, а напротивъ автора считаю моралистомъ и даже очень узкимъ.

Коснувшись Максима Горькаго и его послѣдняго произведенія „Мать“, Леонидъ Андреевъ находитъ, что этотъ романъ очень цѣнный и высоко-художественно написанный; критика не сумѣла его оцѣнить, но по его мнѣнію къ нему еще вернутся въ будущемъ.